

Релятивизация в малокарачкинском говоре чувашского языка. К типологии обобщенных приименных клаузуальных конструкций

Логвинова Наталья Николаевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); natalielo009@gmail.com

В настоящей статье рассматриваются особенности релятивизации в малокарачкинском говоре чувашского языка (> болгарские > тюркские). На основе данных эликации показано, что в исследуемом говоре при релятивизации преимущественно используется стратегия пробела [Comrie, Kuteva 2005], а собственно синтаксические ограничения на релятивизуемую позицию слабы. Так, для релятивизации недоступны только позиции каритивного дополнения и основания сравнения. При этом успешность релятивизации зачастую зависит от естественности связи между предикатом и аргументом в позиции мишени релятивизации. Слабость чисто синтаксических ограничений и опора на прагматическую естественность дают основание рассматривать данные малокарачкинского говора в контексте теории о приименных клаузуальных конструкциях [Matsumoto et al. 2017]. Малокарачкинский говор занимает промежуточное положение в типологии ОПКК, поскольку в нем практически недопустимы фреймовые конструкции. Более того, между относительными клаузами и приименными сентенциальными компонентами имеется ряд синтаксических отличий, не позволяющих отождествить эти две конструкции в описываемом идиоме. Обзор литературы, посвященной явлению ОПКК, показал, что для тюркских языков фреймовые конструкции, как правило, не описываются, а конструкции релятивизации и приименной комплиментации, синтаксически нетождественны во всех исследованных языках. Таким образом, данные малокарачкинского чувашского и некоторых других идиомов показывают, что явление ОПКК оказывается значительно менее однородным, чем оно представлено в [Matsumoto et al. 2017].

Ключевые слова: чувашский язык, диалектология, релятивизация, именная модификация, имя существительное, семантика, синтаксис

RELATIVIZATION IN THE MALOE KARACHKINO DIALECT OF CHUVASH. ON THE TYPOLOGY OF GENERAL NOUN-MODIFYING CLAUSE CONSTRUCTIONS

Natalia N. Logvinova, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science (Saint-Petersburg),
National Research University "Higher School of Economics" (Moscow); natalielo009@gmail.com

The article analyzes features of relativization in Maloe Karachkino dialect of Chuvash (> Bulgar > Turkic). The elicitation data (collected by the author in a series of field trips from 2018 to 2020) shows that the gap strategy [Comrie, Kuteva 2005] is the main relativization mechanism in Maloe Karachkino dialect, and the syntactic restrictions on the relativized position are very weak. More precisely, only the positions of caritive object and object of comparison are not available for relativization. Otherwise, Maloe Karachkino dialect covers almost the entire Accessibility Hierarchy [Keenan, Comrie 1979]. At the same time, the success of relativization often depends on the naturalness of the connection between the predicate and the argument in the target position. The weakness of purely syntactic restrictions and the reliance on pragmatic naturalness give grounds to consider the Maloe Karachkino's data in the context of the theory of General noun-modifying clause constructions (GNMC) [Matsumoto et al. 2017]. Maloe Karachkino dialect then occupies an intermediate position in the GNMC typology, since it shows identical design of relative clauses and noun-modifying sentential complements, but only limitedly allows frame constructions, which are supposed to be diagnostic of GNMC. However, as shown in the article, there are certain syntactic differences between relativization clauses and nominal sentential complements. In addition, the revision of the existing literature on the GNMC phenomenon, indicates that frame constructions are usually not described for the Turkic languages. Moreover, a more detailed analysis of the constructions for relativization and complementation reveals the non-identity of these structures in all languages where any diagnostics were carried out. Thus, the data of the Maloe Karachkino dialect contributes to the typology of phenomena that have recently been united under the term of GNMC. The data of this and some other idioms show that GNMC phenomenon turns out to be much less homogeneous than it is proposed to consider in [Matsumoto et al. 2017].

Keywords: Chuvash language, dialectology, relativization, nominal modification, noun, semantics, syntax

Работа велась при поддержке гранта РФФИ № 20-312-70009 «Грамматические особенности тюркских языков Поволжья». Автор благодарит анонимных рецензентов, а также Марию Александровну Холодилькову за ценные замечания.

1. Введение

Настоящая статья посвящена особенностям релятивизации в малокарачкинском говоре чувашского языка (> болгарские > тюркские).

Релятивные клаузы описывают партиципанта ситуации главной клаузы через его участие в некоторой другой ситуации, переданной в относительной клаузе [Lehman 1986]. Так, в предложении (1) относительная клауза (в квадратных скобках) указывает на дополнительную характеристику города, а именно — что говорящий жил в этом городе, когда был ребенком:

- (1) [ep atɕa tɕok-ni-a porən-nə] xola xitre¹
я ребенок время-Р_3-OBJ жить-РС_PST город красивый
'Город, в котором я жил в детстве, — красивый'.

В независимом предложении (2), сконструированном на основе относительной клаузы в (1), существительное *xola* занимает синтаксическую позицию локативного дополнения:

- (2) ep ku xola-ra atɕa tɕok-ni-a porən-za
я этот город-LOC ребенок время-Р_3-OBJ жить-CV_SIM
'Я жил в этом городе в детстве'.

Таким образом, позиция локативного дополнения является релятивизируемой позицией, или мишенью релятивизации, в относительной конструкции в (1).

С точки зрения наиболее известной типологии релятивизации [Comrie, Kuteva 2005] стратегия, которой следует чувашский язык, может быть охарактеризована как «стратегия пробела» (*gap strategy*)². При этой стратегии в зависимой клаузе отсутствуют любые морфосинтаксические элементы, отсылающие к вершине. Так, в русском предложении в (3) относительная клауза содержит относительное местоимение (в) *котором*_{LOC}, кореферентное вершине *город*:

- (3) *Город, в котором; я жил в детстве, красивый.*

Наоборот, в примере (1) относительная клауза не содержит никакого элемента, кореферентного вершине конструкции *xola* 'город'. Вместе с тем распространенный теоретический анализ этой стратегии [Кауне 1994; de Vries 2002] предполагает наличие внутри относительной конструкции «пробела», соответствующего позиции мишени релятивизации и референциально связанного с вершиной:

- (4) [ep ____; atɕa tɕoxn'a porən-nə] xola; xitre

Поскольку позиция мишени при стратегии пробела остается формально незаполненной (ср. русское предложение (3), где позицию мишени релятивизации занимает относительное местоимение), одной из ключевых проблем в конструкциях, следующих этой стратегии, является восстановимость синтаксической роли мишени (*case recoverability problem*) [Givon 1984/2001: 184; Shagal 2019: 76]. Действительно, в противоположность примеру (3) из русского, где синтаксическая роль мишени эксплицитно указывается падежом относительного местоимения, в чувашском примере (1) отсутствует любой морфосинтаксический материал, позволяющий однозначно сказать, что релятивизируется позиция локативного дополнения. Согласно теории Т. Гивона [Givon 1984/2001], при восстановлении синтаксической позиции мишени в языках со стратегией пробела релевантной оказывается информация о целом ряде факторов, включая 1) валентностную рамку предиката, 2) лексическую семантику вершинного имени и 3) падежное маркирование других аргументов внутри относительной клаузы. В частности, за успешность релятивизации в (1), по всей видимости, отвечает то, что существительное типа *xola* 'город' является естественным ар-

¹ Используемые в статье системы глоссирования и транскрипции разработаны Чувашским экспедиционным проектом под руководством Марии Александровны Холодиловой, при непосредственном участии Максима Леонидовича Федотова и Влады Вячеславовны Барановой.

² Кроме стратегии пробела, в малокарачкинском говоре допустима стратегия с вопросительными местоимениями *sta* 'где', *xəndɕa* 'когда', *kat* 'кто', *mən* 'что' и *xəzə* 'который'. Местоимения *kat*, *mən* и *xəzə* типологически похожи на относительные местоимения, так как могут изменяться по падежам:

- (i) xər atɕa xəzə-ba arzın atɕa vil'i-at xitre
девушка ребенок который-INS мужчина ребенок играть-NPST[3SG] красивый
'Девочка, с которой играет мальчик, красивая'.

Далее в настоящей работе такие конструкции не рассматриваются.

гументом предиката типа *porən* ‘жить’. В случае если связь между вершиной и предикатом трудновосстановима, в некоторых языках со стратегией пробела релятивизация может быть затруднена [Shagal 2019: 76].

В настоящей статье не только подробно рассматриваются особенности малокарачкнской релятивизации и значение этого материала для типологии, но и обсуждается, насколько анализ в духе стратегии пробела релевантен для чувашских данных. Как будет показано далее, малокарачкнская релятивизация демонстрирует крайне мало собственно синтаксических ограничений. Кроме того, в некоторых аспектах малокарачкнские конструкции сближаются с так называемыми обобщенными приименными клаузуальными конструкциями (далее — ОПКК), постулируемыми для многих языков Евразии [Matsumoto et al. 2017]. Вместе с тем малокарачкнская система существенно отличается от «типичных» ОПКК, что, вкупе с данными из других идиомов, еще раз подтверждает — ОПКК является значительно более комплексным феноменом, чем предполагается на сегодняшний день.

Далее в статье рассматривается релятивизация в относительных конструкциях с причастиями на *-agan/-egen* (т. н. «причастие настоящего времени»), *-nə/-nĕ* (т. н. «причастие прошедшего времени») и *-man/-mĕn*³ («отрицательное причастие»). В малокарачкнском говоре в функции причастия не употребляется форма на *-as/-es*, характеризующаяся грамматикой [Павлов и др. 1957: 223] как «причастие будущего времени». Эта глагольная форма встречается преимущественно в составе модальных конструкций *V-as/-es + pul* ‘должен V’, *V-as/-es + te* ‘собирается V’. Не употребляются также «причастие притворного действия» (*кур* ‘видеть’ → *кур-ман-ци* ‘притворившийся невидящим’ [там же: 232]) и «причастие возможности» (*кур-и* ‘могущий видеть’ [там же: 230]). Причастия долженствования (малокарачкнская форма на *-malı/-meli*) и достаточности на *-malək/-melĕk* обладают сложной семантикой и специфическими ограничениями, поэтому данные о релятивизации для этих причастий в настоящей работе последовательно не обсуждаются.

Материалы, представленные в статье, были собраны методом эликации в ходе трех экспедиций (с 2018 по 2021 г.) в с. Малое Карачкино Ядринского района Чувашской республики. Малокарачкнский говор имеет ряд существенных отличий от литературного чувашского, в общем виде описанных еще в [Ашмарин 1898: 344—392].

Настоящая статья состоит из **пяти** разделов, включая введение. **Второй** раздел посвящен исследованию возможностей релятивизации и ограничений на релятивизацию различных мишеней в малокарачкнском диалекте. В **третьем** разделе обсуждается вопрос существования в чувашском обобщенных приименных клаузуальных конструкций. В **четвертом** дается комментарий к существующей типологии ОПКК и месту малокарачкнского диалекта в этой типологии. Работа завершается разделом, суммирующим основные выводы.

2. Основные возможности и ограничения релятивизации

2.1. Большая свобода и контекстная ориентированность

Для релятивизации в малокарачкнском говоре доступны практически все, даже самые глубокие, позиции иерархии Кинэна — Комри [Keenan, Comrie 1979: 66]. Таблица 1 иллюстрирует доступность релятивизации для каждой из причастных форм на основании расширенной иерархии: отдельно рассматриваются актантные и неактантные именные зависимые, кодируемые разными косвенными падежами — локативом (LOC), аблативом (ABL), казуалисом (CSL) и каритивом (CAR).

Таблица 1. Доступность разных синтаксических позиций для релятивизации

Причастие	SU	DO	IO	LOC	ABL	INS	CSL	CAR	GEN	OCOMP
<i>-agan/-egen</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—
<i>-nə/-nĕ</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—
<i>-m-an/-m-en</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—

SU — подлежащее, DO — прямое дополнение, IO — не прямое дополнение, LOC — локативное дополнение, ABL — аблативное дополнение, INS — инструментальное дополнение, CSL — казуальное дополнение, GEN — посессор, OCOMP — основание сравнения.

³ Варианты аффикса обусловлены сингармонизмом по ряду в чувашском языке.

Как видно из таблицы 1, в малокарачкском говоре для релятивизации недоступны только дополнения, кодируемые каритивным падежом, и именные группы с ролью основания сравнения. Ср. следующую пару примеров, иллюстрирующих релятивизацию субъекта и основания сравнения соответственно:

- (5) a. *man-ran lajak-rak vëren-egen xër atea pardə*
 я.OBL-ABL хороший-СМРР учиться-РС_PRS девушка ребенок парта
xoş-in-dze lar-at
 промежуток-Р_3-ЛОС сидеть-NPST[3SG]
 ‘Девочка, которая учится лучше меня, сидит за партой’.
- b. **ep lajak-rak vëren-egen xër atea pardə xoş-in-dze lar-at*
 я хороший-СМРР учиться-РС_PRS девушка ребенок парта середина-Р_3-ЛОС сидеть-NPST[3SG]
 ‘Девочка, лучше которой я учусь, сидит за партой’.

Релятивизация позиций SU—LOC, как правило, не вызывает сложностей. Некоторые ограничения на релятивизацию позиций ниже позиции локативного дополнения (LOC) будут обсуждаться в разделе 2.2. Сейчас же остановимся на таком свойстве чувашских причастий, как контекстная ориентированность [Haspelmath 1994: 153].

Как показывает таблица 1, в малокарачкском чувашском одно и то же причастие используется для релятивизации разных синтаксических позиций. То, что форма причастия не меняется в зависимости от релятивизируемой позиции, значит, что одна и та же конструкция может потенциально иметь несколько интерпретаций, как в (6):

- (6) *ep kaj-agan ėin man joldaş*
 я идти-РС_PRS человек я.GEN друг
 1. ‘Человек, к которому я иду (в гости), — мой друг’.
 2. ‘Человек, с которым я иду (на концерт), — мой друг’.

Толкования 1 и 2 соответствуют релятивизации позиции прямого и инструментального дополнения. Выбор между возможными интерпретациями в данном случае целиком определяется контекстом. Так, интерпретация 1 возможна, если высказывание в (6) служит ответом на вопрос ‘Кто тот человек, к которому ты идешь?’, а интерпретация 2 — при ответе на вопрос ‘Кто тот человек, с которым ты идешь (на концерт)?’. Стоит сказать, что вне контекста пример (6) оказывается вообще неприемлем для носителей, так как отношение, связывающее референта ‘человек’ и ситуацию ‘я иду’, неконвенционально. Это ограничение показывает, что приемлемость относительных конструкций в малокарачкском говоре в значительной степени определяется прагматикой.

При том что некоторые относительные конструкции могут иметь несколько толкований, как в (6), одна интерпретация вне контекста может быть более предпочтительной, чем другая. Иными словами, релятивизируемые позиции, по-видимому, демонстрируют некоторую иерархию с точки зрения естественности релятивизации по этой позиции. Вместе с тем доступные свидетельства существования подобной иерархии ограничены контекстами, в которых при предикате есть как минимум два необязательных аргумента с прагматически симметричными статусами. Такими предикатами являются по крайней мере глаголы движения и особая подгруппа глаголов речи. Так, глаголы движения, как правило, могут иметь (но не требуют) аргументы с семантической ролью цели и исходной точки. Эти роли в некотором смысле «равноправны» в ситуации перемещения. Другой похожий пример составляют трехместные глаголы говорения типа *сплетничать* и *жаловаться*. При глаголах типа *сплетничать* и *жаловаться* участники с ролью адресата (*жаловаться маме*) и контрагента (*жаловаться на Петю*) прагматически не симметричны, но любой из двух участников может потенциально занимать любую из двух возможных позиций. Таким образом, относительные клаузы, образованные от приведенных предикатов, в чувашском могут допускать как минимум две интерпретации, как в примерах (7)—(10):

- (7) *Saşə iş-se pır-agan ėiran-ə*
 Саша плыть-CV_SIM идти-РС_PRS берег-Р_3
 1. ‘Берег, к которому плывет Саша’. — цель / прямой объект
 2. ‘Берег, от которого плывет Саша’. — исходный пункт / аблативное дополнение
- (8) *Saşə vëc-se pır-agan xol-i*
 Саша лететь-CV_SIM идти-РС_PRS город-Р_3
 1. ‘Город, в который летит Саша’. — цель / прямой объект
 2. ‘Город, из которого летит Саша’. — исходный пункт / аблативное дополнение

- (9) *Saşa elekle-në ėin-ə*
 Саша сплетничать человек-Р_3
 1. ‘Человек, о котором сплетничает Саша’. — топик / прямой объект
 2. ‘Человек, с которым сплетничает Саша’. — комитатив / непрямой объект
- (10) *Saşa kala-za par-nə ėin-ə*
 Саша говорить-CV_SIM давать-PC_PST человек-Р_3
 3. ‘Человек, на которого жалуется Саша’. — контрагент / прямой объект
 4. ‘Человек, которому жалуется Саша’. — адресат / непрямой объект

В онлайн-опросе⁴, проведенном для носителей разных говоров чувашского языка, было установлено, что большинство респондентов в каждом случае отдавало предпочтение первой интерпретации ((7): 25/5, (8): 25/5, (9): 22/8, (10): 27/3). Таким образом, опрошенные носители последовательно предпочитали интерпретацию с релятивизацией цели (прямого объекта) интерпретации с релятивизацией исходного пункта (аблативного дополнения), а интерпретацию с релятивизацией контрагента (прямого объекта) — интерпретации с релятивизацией адресата (косвенного объекта):

- (11) DO > ABL
 DO > OBL

Схожие закономерности предпочтительности интерпретации с релятивизацией цели отмечены для корейского [Comrie 1989: 152], а о предпочтительности интерпретации с релятивизацией цели и контрагента — для турецкого [Haig 1998]. Насколько эти факты являются универсальными для языков, использующих стратегию пробела, в настоящий момент сказать трудно, поскольку литература, посвященная этому вопросу, за исключением приведенных ссылок, автору неизвестна. Однако асимметрия цели и исходного пункта множество раз отмечалась в разных лингвистических исследованиях (см. [Корецка, Vuillermet 2021]).

Контекстная ориентированность причастных форм также способствует тому, что одно причастие может релятивизовать разные позиции в двух и более сочиненных относительных клаузах:

- (12) [[*ėamrək tĕok-ni-a Peti-a (jorat-nə)*] *tada* [*vatlək-ra Vaėə jorat-nə*]] *xĕr₁ arəm₂*
 молодой время-Р_3-ОВJ Петя-ОВJ любить-PC_PST и старость-LOC Вася любить-PC_PST женщина_{1,2}
 ‘Женщина, которая в молодости любила Петю, а в старости была любима Васей’.

В (12) мишенью релятивизации при причастии *jorat-nə* ‘любить-PC_PST’ являются сразу две синтаксические позиции — субъекта и прямого дополнения. При этом, как видно из примера, кроме сочинения зависимых клауз, возможно использование одной причастной формы для релятивизации обеих мишеней.

2.2. Некоторые ограничения на релятивизацию

2.2.1. Ограничения на релятивизацию аблативных, инструментальных и каритивных дополнений

В настоящем разделе отдельно описываются некоторые наблюдаемые ограничения на релятивизацию позиций ниже позиции локативного дополнения в иерархии Кинэна — Комри.

Помимо значения отдаления от некоторого предмета (13)—(14), **аблативный** падеж в чувашском языке также используется для кодирования участника, посредством которого совершается действие [Иванов 1953: 177] (15), материала (16), причины и стандарта сравнения. Релятивизация доступна для дополнений, выражающих все перечисленные аблативные значения, кроме основания сравнения.

⁴ Опрос проводился на платформе Google Forms. Помимо данных об интерпретации предложений на чувашском, в опросе собиралась базовая социологическая информация о респондентах: возраст, диалект (верховой/низовой/не знаю) и самостоятельно оцениваемый уровень владения чувашским языком. Кроме того, для проверки степени владения чувашским языком участникам предлагалось перевести с русского на чувашский тестовое предложение. В результате не рассматривались ответы участников, оценивших свой уровень владения как ограниченный (или ниже) либо не предложивших корректного перевода тестового предложения. Количество респондентов, чьи оценки были учтены, таким образом, составило 30 человек с медианным возрастом 42 года. Носителям сначала демонстрировалась фотография, изображающая ситуацию, описываемую конкретным предложением в (7)—(10), а потом — соответствующее предложение на чувашском языке. Респондентам предлагалось ответить, о каком месте или человеке на фотографии идет речь.

- (13) [*per tok-sa kaj-agan*] *xola per-e kilēs-se*
мы выходить-CV_SIM идти-PC_PRS город мы-OBJ нравиться-CV_SIM
‘Город, из которого мы уезжаем, нам понравился’.
- (14) [*ep ku kēnege il-nē*] *uteitēl on-a kaj-a-la ijd-at*
я этот книга брать-PC_PST учитель он.OBL-OBJ зад-OBJ-ALL просить-NPST[3SG]
‘Учитель, у которого я взял эту книгу, просит ее обратно’.
- (15) [*ep kēnege-zem bar-z=er-nē*] *xēr₁ atca₂ man-a polāz-at*
я книга-PL давать-CV_SIM=пустить-PC_PST девочка_{1,2} я.OBJ-OBJ помогать-NPST[3SG]
‘Девочка, через которую я передал книги, мне помогает’.
- (16) а. *ku sir lajək sēt-ren tər-at*
этот сыр хороший молоко-ABL стоять-NPST[3SG]
‘Этот сыр состоит из хорошего молока’.
б. [*ku sir tər-agan*] *sēt lajək*
этот сыр стоять-PC_PRS молоко хороший
‘Молоко, из которого состоит этот сыр, — хорошее’.

В противоположность примерам выше, релятивизация аблативных дополнений со значением причины не всегда возможна:

- (17) а. *ku ėirla-ran man xirəm irad-at*
этот ягода-ABL я.OBL живот болеть-NPST[3SG]
‘У меня болит живот от этой ягоды’.
б. **man xirəm irad-agan ėirla an ėi*
я.GEN живот болеть-PC_PRS ягода PRON есть[IMP.2SG]
‘Не ешь ягоду, от которой у меня болит живот’.
- (18) а. *ep kəstər-dan ožən-d-əm*
я костер-ABL согреться-PST-1SG
‘Я согрелся от костра’.
б. *ep ožən-nə kəstər-a synder*
я согреться-PC_PST костер-OBJ тушить[IMP.2SG]
‘Потуши костер, от которого я согрелся’.

Разница между (17) и (18), по-видимому, заключается в степени связанности следствия и причины. Если в (17) события «(съесть) ягоду» и «болит живот» связаны косвенно и неодновременны, события «согреться от костра» и «тушить костер» принадлежат к одной ситуации («разводить костер, чтобы согреться») и являются разными стадиями ее развития (о значимости параметра временного соотношения причины и следствия см. [Заика 2019: 21]).

Без исключений не допускает релятивизации позиция основания сравнения:

- (19) а. *ep ku atca-ran vərəm-rak seg-e-p*
я этот ребенок-ABL длинный-CMPR прыгать-NPST-1SG
‘Я прыгаю выше, чем этот ребенок’.
б. **[ep vərəm-rak seg-egen] atca on-da tob-ən-at*
я длинный-CMPR прыгать-PC_PRS ребенок он.OBL-LOC найти-REFL-NPST[3SG]
‘Там найдется ребенок, выше которого я прыгаю’.

К основным функциям **инструменталиса** в чувашском относится выражение комитатива, средства или орудия (20), с помощью которого совершается действие, пролатива (21) и некоторых других неаргументных отношений. Большинство инструментальных дополнений доступны для релятивизации:

- (20) [*ep vodə ėor-nə*] *pordə podval-da vird-at*
я дрова рвать-PC_PST топор подвал-LOC лежать-NPST[3SG]
‘Топор, которым я наколол дрова, лежит в подвале’.
- (21) а. *ep kil-e oj-ba ot-r-əm*
я дом-OBJ поле-INS идти-PST-1SG
‘Я шел домой полем’.

- б. [ep kil-e od-agan] oj sarlaga
я дом-ОБВ идти-РС_PRS поле широкий
'Поле, которым я иду домой, широкое'.

Несколько ограничена, по всей видимости, релятивизация неаргументных инструментальных дополнений с комитативным значением (22)—(23). Опрошенным носителям такие конструкции кажутся не полностью приемлемыми, однако запрет не является категоричным.

- (22) а. ep joldaş-pa pört t-a-p
я друг-INS дом делать-NPST-1SG
'Я строю дом с другом'.
б. ?[ep pört t-agan] joldaş pet ёёteen
я дом делать-РС_PRS друг очень трудолюбивый
'Друг, с которым я строю дом, очень трудолюбивый'.
- (23) а. man joldaş (man eki-be) taşl-at
я.GEN друг я.GEN старшая_сестра-INS танцевать-NPST[3SG]
'Мой друг танцует (с моей старшей сестрой)'.
б. ?[man joldaş taşl-agan] xёр — man eki
я.GEN друг танцевать-РС_PRS девушка я.GEN старшая_сестра
'Девушка, с которой танцует мой друг, — моя старшая сестра'.

При добавлении внутрь зависимой клаузы наречия *përle* 'вместе' структуры в (22)—(23) становятся бесспорно грамматичными:

- (24) ep pёрle pört t-agan joldaş pet ёёteen
я вместе дом делать-РС_PRS друг очень трудолюбивый
'Друг, вместе с которым я строю дом, очень трудолюбивый'.

Таким образом, для успешной релятивизации комитативного дополнения необходимо наличие семантики совместности совершения действия в предикативной группе. Однако более исчерпывающее определение данному феномену в рамках настоящей статьи дать затруднительно.

Ограничения на релятивизацию инструментальных дополнений в конструкции с пробелом ранее описывались для китайского языка в [Коу 2016]. В китайском стратегия пробела возможна только в конструкциях, где вершина относительной клаузы имеет комитативную семантическую роль, как в случае с существительными типа *одноклассник*, *коллега*, *попутчик*, *партнер по танцам* и др. Для большинства слов, приводимых в статье Х. Коу, не находится непроемных чувашских эквивалентов. Однако конструкции с заимствованными существительными комитативной семантики также оказываются неприемлемы:

- (25) *ku ep ёёл-egen kolegə
это я работать-РС_PRS коллега
'Это коллега, с которым я работаю'.

Если инструментальное дополнение с комитативным значением входит в валентностную рамку глагола, релятивизация, как правило, не вызывает проблем, как в (26б). В противоположность примеру (23), (26б) представляется носителям полностью приемлемым:

- (26) а. ep ygeryzё-be tёл pol-za
я художник-INS место быть-CV_SIM
'Я встретился с художником'.
б. ep tёл pol-nə ёin ygeryzё
я место быть-РС_PST человек художник
'Человек, с которым я встретился, — художник'.

Отсутствуют ограничения на релятивизацию и при других предикатах, имеющих валентность на инструментальное дополнение (*palaş* 'знакомиться (с кем-то)', *nagradёla* 'наградить (чем-то)', *kabёрlandar* 'украсить (чем-то)').

По всей видимости, недопустима релятивизация дополнений, кодируемых **каритивом**. В (27б) и (28б) приводятся примеры, в которых каритивная именная группа может рассматриваться как актантная, однако релятивизация невозможна:

- (27) а. *ep ku ein-zər porən-i-me-p*
я этот человек-CAR жить-POT-NEG.PRS-1SG
‘Я не могу жить без этого человека’.
- б. **ep porən-i-men ein tās=tās kil-et*
я жить-POT-NEG.PC_RES человек скоро=скоро приходить-NPST[3SG]
‘Человек, без которого я не могу жить, скоро приедет’.
- (28) а. *ep san pirgi teamadan-zər jol-d-əm*
я ты.GEN из-за чемодан-CAR оставаться-PST-1SG
‘Я остался без чемодана по твоей вине’.
- б. **ep jol-nə teamadan pazar-da sod-atə*
я остаться-PC_PST чемодан базар-LOC продавать-NPST.3PL
‘Чемодан, которого я лишился, теперь продают на рынке’.

То, что каритивное дополнение является наименее доступным для релятивизации, также объяснимо прагматически. Семантическая роль *абсенса* (участника, кодируемого каритивом) в [Оскольская и др. 2020] определяется как невовлеченность референта в описываемую ситуацию. Для процесса релятивизации, подразумевающего восстановление отношения между ситуацией, описываемой в зависимой клаузе, и вершиной, «отрицательное присутствие» участника, по-видимому, является слишком сложным статусом. Иначе говоря, слушающему сложно предположить, что референт, указанный в вершине, находится в некотором отношении к ситуации, описываемой в придаточном, однако это отношение таково, что этот референт в данной ситуации отсутствовал.

2.2.2. Релятивизация послеложных групп

Возможность релятивизации послеложных групп зависит от того, является ли дополнение, кодируемое послелогом, актантом предиката в зависимой клаузе или нет. Как показывают примеры (29)—(30), актантные послеложные ИГ, кодируемые послелогом *ein* ‘о’ и *oməndza* ‘перед’, не демонстрируют ограничений на релятивизацию. То же верно и для некоторых других проверявшихся пар «послелог + предикат», в частности *ein* *manza kaj* ‘забыть о чем-то’, *comne lar* ‘прилипнуть к чему-то’, *xieən kaj* ‘следовать за кем-то’, *eine tarək* ‘злиться на кого-то’:

- (29) а. *vəl ək kənege ei-n-dzen şotl-at*
она тот книга верх-P_3-ABL думать-NPST[3SG]
‘Она думает об этой книге’.
- б. *ep on-a [vəl şotl-agan] kənege parnel-e-p*
я она.OBL-OBJ она думать-PC_PRS книга дарить-NPST-1SG
‘Я подарю ей книгу, о которой она думает’.
- (30) а. *vəl əa ein om-ən-dza jəbəldad-at*
она тот человек перед-P_3-LOC льстить-NPST[3SG]
‘Она льстит этому человеку’.
- б. *[vəl jəbəldad-agan] ein pojan*
она льстить-PC_PRS человек богатый
‘Человек, которому она льстит, богат’.

В противоположность (30), релятивизация в (31) при одном и том же послелогом невозможна, поскольку дополнение с послелогом *oməndza* ‘перед’ не является актантным при предикате *tər* ‘стоять’:

- (31) а. *per pørt om-ən-dza tər-a-pər*
мы дом перед-P_3-LOC стоять-NPST-1PL
‘Мы стоим перед домом’.
- б. **[per om-ən-dza tər-agan] pørt pizək=ta xitre*
мы перед-P_3-LOC стоять-PC_PRS дом большой=ADD красивый
‘Дом, перед которым мы стоим, большой и красивый’.

То же самое верно для неактантной послеложной ИГ в (32):

- (32) а. *ep ku ein vali kokəl'i il-ze*
я этот человек для пирог брать-CV_SIM
‘Я купил пирог для этого человека’.

- б. *[ep vali kokəli il-nə] ɛin konda tər-at
я для пирог брать-PC_PST человек здесь стоять-NPST[3SG]
‘Человек, для которого я купил пирог, стоит здесь’.

Некоторые из послелогов имеют наречные функции, поэтому при релятивизации управляемых ими ИГ возможны конструкции, которые внешне похожи на «зависание послелогов». Однако, учитывая наречные употребления послелогов, с которыми данные конструкции обнаруживаются, представляется более обоснованным считать, что релятивизация в таких примерах не связана с послеложным управлением.

- (33) а. *tərək ot-nə* oj man-a tɛigə-zər tojən-at
вдоль идти-PC_PST поле я.OBL-OBJ граница-CAR казаться-NPST[3SG]
‘Поле, вдоль которого мы идем, кажется мне бескрайним’.

- б. *ep xəjar-a* tərək kas-r-əm
я огурец-OBJ вдоль разрезать-PST-1SG
‘Я разрезал огурец вдоль’.

Единственный случай, при котором ограничение на релятивизацию неактантной послеложной группы снимается, составляют конструкции, в которых послелог, использующийся при оформлении позиции мишени релятивизации, управляет также и вершиной относительной конструкции в главной клаузе:

- (34) а. *igə stolbə-zam xoş-in-dze* kənat karəndar-nə
два столб-PL пространство-P_3-LOC канат натягивать-PC_PST
‘Между двух столбов натянули канат’.
- б. *(*xoş-in-dze*) kənat karəndar-nə stolb-ə-zam cылə
пространство-P_3-LOC канат натягивать-PC_PST столб-P_3-PL высокий
‘Столбы, между которыми натянут канат, — высокие’.
- в. *kənat karəndar-nə* stolb-ə-zam xoş-in-dze ep tər-a-p
канат натягивать-PC_PST столб-P_3-PL пространство-P_3-LOC я стоять-NPST-1SG
‘Я стою между столбами, между которыми натянут канат’.

В примере (34б) показана невозможность релятивизации послеложной группы, управляемой послелогом *xoşindze* ‘между’, в обычном случае. Однако при использовании послелогов в главной клаузе (34в) подобное ограничение отсутствует. Этот эффект похож на явление падежного согласования (*case matching*), описанное для свободных относительных конструкций (*free relatives*) [Bresnan, Grimshaw 1978], при котором предпочитают такие структуры, где падеж местоимения в относительной конструкции соответствует падежу, которого требует предикат главной клаузы от именного аргумента в позиции, занимаемой относительной клаузой.

2.2.3. Релятивизация посессора

Типологически засвидетельствовано, что на вероятность релятивизации посессора могут влиять такие параметры, как теснота связи между обладателем и обладаемым и синтаксическая позиция обладаемого в зависимой клаузе [Shagal 2019: 43]. Как показывают данные элицитации, релятивизации в малокарачкском говоре доступны посессоры при всех типах обладаемого (отчуждаемое и неотчуждаемое) вне зависимости от синтаксической позиции обладаемого в придаточном. Пример (35) иллюстрирует релятивизацию посессора при разных типах обладаемого в аблативе:

- (35) а. [*pəre-məş xər* arəm-a kəgər şəm-in-dzen tu-nə] arzin adam jat-lə
один-ORD девушка женщина-OBJ грудь кость-P_3-ABL делать-PC_PST мужчина Адам имя-PROP
‘Мужчину, из ребра которого сделали первую женщину, звали Адамом’.
- б. [*ən-in-dzen* tətəkəl tu-nə] ɛin okca il-ze
корова-P_3-ABL чучело делать-PC_PST человек деньги брать-CV_SIM
‘Человек, из коровы которого сделали чучело, получил деньги’.

Между тем возможность релятивизации посессора зависит от семантического типа посессивного отношения. Так, релятивизация посессора невозможна, если посессивное отношение между обладаемым и обладателем представляет собой отношение части к целому (кроме контекстов с частями тела):

- (36) а. *jyc* toratə-ə
дерево ветка-P_3
‘ветка дерева’

- б. *[*torat / toratε-ə εod-a kapl-agan*] *jyz-ε̇ ep kaε-sa par-a-p*
 ветка ветка-Р₃ свет-ОБЖ загораживать-Р_С_Р_С дерево-Р₃ я резать-СВ_СМ давать-NPST-1SG
 ‘Я спилю дерево, ветка которого загораживает мне свет’.

Обязательное условие релятивизации посессора — маркирование обладаемого посессивным показателем. Это условие не обязательно только в конструкциях с обладаемым в позиции субъекта зависимой клаузы:

- (37) а. *alə / ^{OK}al-i hozəl-nə εin bolnits-a kaj-at*
 рука рука-Р₃ ломать-Р_С_Р_С человек больница-ОБЖ идти-NPST[3SG]
 ‘Человек, у которого сломана рука, идет в больницу’.
- б. *ep al-in-e / *al-a хоε-nə εin bolnits-a kaj-at*
 я рука-Р₃-ОБЖ рука-ОБЖ ломать-Р_С_Р_С человек больница-ОБЖ идти-NPST[3SG]
 ‘Человек, которому я сломал руку, идет в больницу’.

То, что во всех позициях, кроме субъектной, обладаемое должно быть маркировано посессивным показателем, с одной стороны, отвечает предсказаниям иерархии Кинэна — Комри, так как стратегия кодирования для субъектов в этом случае отличается от стратегии, используемой для других синтаксических позиций. Наиболее радикальный способ интерпретировать эти данные — считать, что стратегия пробела возможна только при релятивизации субъектов, а во всех остальных случаях используется стратегия, которую Б. Комри и Т. Кутева [Comrie, Kuteva 2005] называют «стратегией сохранения местоимения» (*pronoun-retention strategy*), а Т. Гивон [Givon 1984/2001: 185] — «стратегией анафорического местоимения» (*anaphoric pronoun strategy*). При этой стратегии относительная клауза содержит местоимение, кореферентное вершине относительной конструкции. Строго говоря, посессивный показатель 3-го лица не является лексическим местоимением, однако посессивные маркеры, наряду с местоимениями, рассматриваются в качестве референциального средства в [Kibrik 2011: 16] (кроме того, см. [Schwarz et al. 2020: 574] о местоименных когнатах чувашского показателя посессивности 3-го лица). С другой стороны, то, что для релятивизации посессоров в несубъектной позиции требуется «больше» морфологических средств, ожидаемо с функциональной точки зрения, поскольку, как было сказано выше, роль субъекта, как правило, восстанавливается проще остальных синтаксических позиций.

3. Обобщенные приименные конструкции в чувашском

Из тех данных, которые обсуждались в настоящей статье до сих пор, можно сделать вывод, что релятивизации в малокарачкском говоре доступны практически все синтаксические позиции, а наблюдаемые ограничения имеют скорее прагматические, чем синтаксические основания. Это ставит вопрос о том, существуют ли вообще синтаксические правила, регулирующие образование относительных конструкций в малокарачкском чувашском.

В [Matsumoto 1988] впервые были описаны японские приименные клаузальные модификаторы, функционально соотносимые с относительными клаузами в индоевропейских языках, но практически не имеющие ограничений на релятивизуемую позицию. В свою очередь, Б. Комри в [Comrie 1998] показал, что подобные конструкции представляют собой ареальное явление и свойственны целому ряду языковых семей Азиатского региона — в частности тибетским, кхмерским, дравидийским и тюркским языкам. Конструкции такого типа в более поздней совместной работе Б. Комри и Й. Мацумото [Matsumoto et al. 2017] называются **обобщенными приименными клаузальными конструкциями** (Generalized Noun Modifying Clausal Constructions, GNMCC). В языках с ОПКК одна и та же («обобщенная») конструкция используется в контекстах, свойственных как относительным клаузам, так и сентенциальным актантам с именной вершиной (конструкции *fact-S* в терминологии Б. Комри), а также в некоторых других контекстах, не соотносимых ни с одним из указанных типов подчинения (т. н. фреймвые конструкции).

Б. Комри [Comrie 1998: 57] отмечает, что среди тюркских языков к языкам с ОПКК относится карачаево-балкарский, но, например, не турецкий. Так, в карачаево-балкарском одна и та же конструкция используется и для релятивизации разных синтаксических позиций (38), и с приименными сентенциальными актантами (39). Кроме того, в этом языке возможна релятивизация таких позиций, которые обычно недоступны для релятивизации в языках, следующих стратегии относительного местоимения (40):

Карачаево-балкарский

- (38) а. [*kitab-i al-yan*] *oquwçu*
 книга-АСС купить-Р_С студент
 ‘студент, [который купил книгу]’

б. [oquwčü al-γan] kitap
 студент купить-РС книга
 ‘книга, [которую купил студент]’

(39) [et biš-gän] iyis
 мясо готовиться-РС запах
 ‘запах такой, что мясо готовится’, букв. ‘мясо готовится, запах’

(40) [[tüb-ün-dän qara-sa-η], bōrk-ün tüş-gän] esgi narat täräk
 низ-Р_3-ABL смотреть-CND-2SG шляпа-2SG падать-PRT старый сосна дерево
 ‘Старая сосна, такая, что когда смотришь снизу вверх, шляпа падает’.

(40) является примером так называемой фреймовой конструкции. В (40) вершина относительной конструкции *esgi narat* ‘старая сосна’ не может быть ни актантом, ни сирконстантом зависимой клаузы, так как предикаты типа «падать» не принимают аргументы с подобной ролью. Поскольку участника типа *сосна* невозможно «вставить» внутрь зависимой клаузы, [Matsumoto et al. 2017] полагают, что в подобных структурах, а также формально идентичных им примерах (38) и (39) нет оснований постулировать нулевые анафорические элементы или пробелы, а связь зависимой и главной клауз осуществляется исключительно на основании прагматики: сосна оказывается частью «фрейма» ситуации, описываемой в зависимой клаузе, поскольку если и говорящий, и слушающий знают об удивительной высоте сосны, они понимают, в каком смысле сосна относится к падению шляпы.

Согласно Б. Комри [Comrie 1998], карачаево-балкарский в отношении устройства приименной клаузальной модификации является типичным примером кыпчакской ветви тюркской семьи, а турецкий — огузской. В [Kornfilt, Vinokurova 2017: 251—293] показано, что якутский в отношении релятивизации входит в одну группу с карачаево-балкарским.

Большая свобода релятивизации и ее прагматическая обусловленность в малокарачкинском чувашском косвенно свидетельствуют о том, что малокарачкинский диалект может иметь ОПКК так же, как карачаево-балкарский и якутский.

Первым доказательством в пользу этой теории служит то, что в малокарачкинском чувашском причастные формы, обсуждавшиеся в предыдущих разделах, используются в том числе и внутри синтаксических дополнений при именной вершине. Примеры (41)—(42) иллюстрируют конструкции с синтаксическим дополнением при имени содержания (41) и реляционном имени (42):

(41) [[ta-gam alə kilo-lə kokəl' pēzer-nē] istor-in-e] ep il-ze
 INDEF-кто 50 килограмм-PROP пирог готовить-РС_PST история-Р_3-OBJ я брат-CV_SIM
 ‘Я слышал историю, что кто-то приготовил пирог в 50 кг’.

(42) [[aš zariŋ' tu-nə] šarš-i] kil-te-ē
 мясо жарить делать-РС_PST запах-Р_3 прийти-PST-3SG
 ‘Появился запах того, что жарится мясо’.

Примеры (41)—(42) показывают, что по крайней мере по одному из критериев (идентичное оформление приименных синтаксических актантов и относительных клауз) именные клаузальные модификаторы в малокарачкинском говоре могут быть классифицированы как ОПКК. Однако существование в малокарачкинском чувашском фреймовых конструкций сомнительно.

Б. Комри и Й. Мацумото выделяют несколько типов фреймовых определительных конструкций по признаку семантического отношения вершины к зависимой клаузе. В качестве примера на фрейм «результат» рассматривается гипотетическая конструкция типа (43):

(43) [Matsumoto et al. 2017: 346]
 [I English taught (___)] money [я английский преподавал (___)] деньги
 the money I (earned by) teaching English ‘деньги, (которые я получил,) преподавая английский’

Б. Комри и Й. Мацумото полагают, что в конструкциях типа (43) отношение между вершиной и зависимой клаузой таково, что деньги являются результатом ситуации преподавания английского. В (44) приводится соответствующий японский пример:

(44) [[hon'yakusita] o-kane], zenbu tabe-tyatta no? [Matsumoto 2017: 30]
 переводить.PST HON-деньги все есть.PST-иметь Q
 ‘Вы проели все деньги, (которые заработали,) переводя X?’

Пример (44) сопровождается замечанием, что в японском существительное *okane* ‘деньги’ не может быть актантом или сирконстантом предиката *hon'yakusita* (переводить.PST), поэтому такая конструкция должна рассматриваться как фреймовая, поскольку прибыль является частью фрейма «перевод». Кроме фрейма «результат», в анкете Б. Комри и Й. Мацумото упоминаются такие фреймы, как «условие», «обратное условие», «часть от целого», «цель», «следование/предшествование/одновременность» и «необходимый элемент».

В чувашском аргумент с семантической функцией «результат» может быть оформлен казуалисом в составе той же клаузы, поэтому, хотя относительные конструкции, подобные (44), в малокарачкинском возможны (см. (45)), они не являются фреймовыми в том смысле, в котором этот тип конструкций определен в [Matsumoto et al. 2017].

(45) а. *ep teaş tēlg-i okca-zən vërent-se*
я чувашский язык-Р_3 деньги-CSL учить-CV_SIM

‘Я преподавал чувашский из-за денег’.

б. *ep teaş tēlg-i vërent-në okca*
я чувашский язык-Р_3 учить-PC_PST деньги

‘Деньги, ради которых я преподавал чувашский’.

С другой стороны, негативный результат не может быть кодирован казуалисом, однако и соответствующие относительные клаузы с результативной семантикой оцениваются как неприемлемые:

(46) а. *ep nomaj vëgät xoş-i (*ştraf-şən) ëz-e kaj-ma-r-əm*
я много время промежутков-Р_3 штраф-CSL работа-OBJ идти-NEG-PST-1SG

‘Я не ходил на работу много времени (*для штрафа)’.

б. **ep nomaj vëgät xoş-i ëz-e kaj-m-an ştraf*
я много время промежутков-Р_3 работа-OBJ идти-NEG-PC_RES штраф

‘Штраф, {который я получил}, не ходя на работу’.

(47) а. *ep cigaret (*tëer-zën) tort-r-əm*
я сигарета болезнь-CSL курить-PST-1SG

‘Я курил сигареты (для/ради болезни)’.

б. **ep cigaret tort-në tëer*
я сигарета курить-PC_PST болезнь

‘Это болезнь, {которую я получил}, куря сигареты’.

Концессивное значение (соответствует типу фрейма «обратное условие» — *reverse condition* [ibid.: 347]) также не может быть выражено именным актантом или сирконстантом внутри одной клаузы (ср. рус. *Я не толстею, несмотря на конфеты*). Однако и соответствующие примеры с релятивизацией оцениваются как неприемлемые.

(48) а. *ep samarəl-m-a-p [ep konfet ε-e-p=tëk=te]*
я толстеть-NEG-NPST-1SG я конфета есть-NPST-1SG=COND=ADD

‘Я не толстею, хотя ем конфеты’.

б. **[ep samarəl-m-an] konfet*
я толстеть-NEG-PC_RES конфеты

‘Конфеты такие, что я не толстею {хотя и ем их}’.

В [Matsumoto 1996] описываются факторы, которые влияют на приемлемость фреймовой релятивизации в японском. Среди обсуждаемых факторов, помимо контекстной обусловленности и предикатно-аргументных отношений, рассматривается синтаксический контекст. Так, в японском установление фреймовой связи между предикатом зависимой клаузы и вершиной относительной конструкции облегчается в случае, если вершина находится в том же отношении к предикату главной клаузы, что и к предикату зависимой [ibid.: 104]. Однако, как показывает пример (49), даже при условии такой модификации конструкции этого типа в малокарачкинском остаются неприемлемыми.

(49) **ep cigaret tort-në tëer-be ep tada nerv-zam-ran sumar-la-r-əm*
я сигарета курить-PC_PST болезнь-INS я и нерв-PL-ABL больной-VBZ-PST-1SG

‘Болезнью, которая {появилась потому, что} я курил сигареты, я заболел еще и от нервов’.

При этом чувашский имеет специализированную стратегию для выражения отношения типа «необходимый элемент» (один из фреймов, выделяемых в анкете Б. Комри и Й. Мацумото), а именно — причастную форму на *-ma-l-i/-me-l-i*, другие причастные формы в этой структуре невозможны:

- (50) *ep amerik-a kaj-ma-l-i / *kaj-agan dokument-sam*
 я Америка-OBJ идти-INF-ATTR-P_3 идти-PC_PRS документ-PL
 ‘Документы, необходимые, чтобы я поехал в Америку’.

Среди остальных фреймовых значений, выделяемых Б. Комри и Й. Мацумото, некоторые из опрошенных носителей признавали приемлемыми фреймовые конструкции со значением одновременности (51):

- (51) *papi xəna-la-n-nə kokəli*
 бабушка гость-VBZ-REFL-PC_PST пирог
 ‘Пирог {такой, что мы его готовим}, когда гостит бабушка’.

Б. Комри и Й. Мацумото замечают, что элицитация не может быть основным методом изучения ОПКК — предпочтение должно отдаваться корпусным материалам. Ввиду того, что собранный в ходе экспедиции диалектный корпус имеет небольшой объем, ниже приводятся данные о частотности релятивизации разных синтаксических позиций причастиями на *-agan* и *-nə*⁵ в Двухязычном корпусе чувашского языка⁶, содержащем тексты на литературном чувашском.

Таблица 2. Частотность конструкций с релятивизацией и приименным комплиментом в Двухязычном чувашском корпусе

Релятивизируемая позиция	<i>-agan</i>	<i>-nə</i>
S	148	87
DO	20	76
IO	0	1
LOC	4	27
ABL	1	0
INS	0	1
NC	0	7
POST	0	1
Всего	173	200

S — субъект, DO — прямой объект, IO — косвенный объект, LOC — локативное дополнение, ABL — аблативное дополнение, INS — инструментальное дополнение, POST — дополнение, вводимое послелогом, NC — именной комплемент⁷.

Как видно по данным приведенной таблицы, конструкции с релятивизацией синтаксических позиций, помимо позиций субъекта и прямого объекта, сравнительно редки. Кроме того, большинство примеров с причастием на *-agan* представляют собой релятивизацию подлежащего. В выборке было обнаружено 7 конструкций с именным комплементом, образованных причастием на *-nə*. Из 373 разобранных конструкций не выявлено ни одной, которую можно было бы классифицировать как фреймовую. Вместе с тем, как отмечает анонимный рецензент, тексты, представленные в литературном корпусе, могут существенно отличаться по своему синтаксису от устной речи. В частности, ОПКК в таких текстах могут избегаться, поскольку могут рассматриваться как «разговорные».

Другим возможным свидетельством того, что малокарачкинскому говору не свойственны механизмы приименной клаузуальной модификации, подобные ОПКК, является то, что относительные придаточные в малокарачкинском допускают вставку резюмтивных местоимений — личных местоимений, занимающих позицию «пробела» в придаточном. Вставка резюмтивов возможна только при релятивизации позиций, расположенных относительно низко в иерархии Кинэна — Комри. Так, запрещаются конструкции с резюмтивами при релятивизации прямого объекта, локативного, аблативного или инструмен-

⁵ Рассматривались только причастные формы с заднерядным гласным. Исключение причастных форм с переднерядным гласным, насколько известно, не могло существенно воздействовать на выборку, однако позволило сократить объем анализируемых данных. Всего в корпусе было найдено 173 примеров с причастием на *-agan* в вершине относительной клаузы — все они были включены в выборку. Количество форм на *-nə* было выше, поэтому в выборку вошли только первые 200 примеров.

⁶ См. <http://ru.corpus.chv.su>.

⁷ Сокращения, использованные в таблице 2 (за двумя исключениями), соответствуют обозначениям, введенным выше в настоящей статье.

тального дополнения, в то время как в конструкциях с релятивизацией каритивного дополнения или дополнения послелога (если при этом не выполняются условия, описанные в п. 2.2.4) резумптивное местоимение обязательно, ср. (52)—(54). Для некоторых носителей возможны конструкции со вставкой резумптива и при релятивизации каузального дополнения.

- (52) *ep on pirgi vǝǝt-ra kaj-m-an ɛin on-da tǝr-at*
я он.OBL из-за время-LOC идти-NEG-PC_RES человек он-LOC стоять-NPST[3SG]
'Человек, из-за которого я опоздал, стоит там'.
- (53) *ep on-zǝr porǝn-i-men ɛin teasteas kil-et*
я он.OBL-CAR жить-POТ-NEG.PC_PST человек скоро приходить-NPST[3SG]
'Человек, без которого я не могу жить, скоро приедет'.
- (54) *ep on-zǝn xomǝan-ǝǝn xǝr atea xola-ra porǝn-at*
я он.OBL-CSL волноваться-PC_PRS девушка ребенок город-LOC жить-NPST[3SG]
'Девушка, за которую я волнуюсь, живет в городе'.

Вставка резумптивного местоимения при релятивизации посессора оценивается как не полностью грамматичная, но не запрещается:

- (55) [?](*on-ǝn*) *ul-ǝ sorevnovan-in-dǝe ɛǝnder-nǝ xǝr₁ arǝm₂ telej-lǝ*
он-GEN сын-Р_3 соревнование-Р_3-LOC победить-PC_PST девушка жена_{1,2} счастье-PROP
'Женщина, сын которой победил в соревнованиях, счастлива'.

Другим свойством ОПКК является нечувствительность подобных конструкций к островным ограничениям [Lander, Kozhukhar 2015: 5; Matsumoto 2017: 39]. Однако релятивизация с нарушением островных ограничений в малокарачкском чувашском невозможна. В (56) приводится пример неприемлемой конструкции с выносом в фокусную позицию из относительной клаузы (остров сложной именной группы [Ross 1967]):

- (56) **ku ɛa kǝnege ep ɛir-nǝ aftǝr-a tǝl pol-nǝ*
это тот книга я писать-PC_PST автор-OBJ место быть-PC_PST
'Это та самая книга, такая, что я встретила автора, который (её) написал'.

При этом подобный вынос относительно приемлем в конструкциях с приименным комплементом (такие конструкции оцениваются носителями выше, чем в случае с выносом из относительной клаузы, однако не являются бесспорными):

- (57) [?]*ku ɛa kol'iso=jax ep muzej-ran vǝrla-nǝ sazǝ ilt-se*
это тот кольцо=EMPH я музей-AVL красть-PC_PST слух слышать-CV_SIM
'Это то самое кольцо, такое, что я слышал слух, что (его) украли из музея'.

Это не единственное синтаксическое различие между относительными клаузами и приименными комплементами. Так, в отличие от относительных клауз (58), приименные сентенциальные актанты (далее — СА) не допускают последовательного вложения зависимых клауз:

- (58) [*at'io xǝn-egen*] [*xǝr atea-ba družiti t-ǝǝn*] [*arzin atea-ja ep pǝl-e-p*]
отец бить-PC_PRS девушка ребенок-INS дружить делать-PC_PRS мужчина ребенок-OBJ я знать-NPST-1SG
'Я знаю мальчика, который дружит с девочкой, которую бьет отец'.
- (59) **ep [prezident per-ǝn xola-ja kil-nǝ] [novǝe tǝrǝs pol-nǝ]*
я президент мы-GEN город-OBJ приходить-PC_PST новость правдивый быть-PC_PST
sazǝ ilt-r-ǝm
слух слышать-PST-1SG
'Я слышал слух, что новость, что в наш город приезжает президент, была правдой'.

Приименные СА также не могут сочиняться с относительными клаузами, что традиционно рассматривается в качестве теста на идентичный синтаксический статус составляющих. Ср. сочинение двух относительных клауз в (60)—(61):

- (60) [*man pitei yger-nǝ*] *tada [man-ǝn joldaş kino xǝr-ǝǝn]*
я.GEN старший_брат снять-PC_PST и я.OBL-GEN друг кино бояться-PC_PRS
'Фильм, который снял мой старший брат и которого боится мой друг'.

- (61) *[vəl kala-za kədart-nə] tada [prezident pər-ən xola-ja kil-nə]
 он говорить-CV_SIM показывать-PC_PST и президент мы-GEN город-OBJ приходить-PC_PST
 novoe man-a tēlēnder-te-ē
 новость я.OBL-OBJ удивлять-PST-3SG
 ‘Новость, которую она мне рассказала и что президент приезжает в наш город, меня удивила’.

На основании приведенных выше примеров можно сделать вывод, что приименные СА представляют собой отдельную конструкцию с особыми свойствами, а не составляют одного типа конструкции с относительными клаузами, хотя поверхностное формальное оформление этих конструкций совпадает.

Ё.-Ю. Ча [Cha 1999] для корейского, а также Н. Чжан [Zhang 2008] и Дж. Цай [Tsai 2008] для китайского показывают, что приименные СА в этих языках фактически делятся на два типа — собственно приименные сентенциальные актаны и относительные без пробела. Граница между двумя типами определяется главным образом семантикой вершинного имени: конструкции с именами содержания (*факт, новость, слух* и т. д.) являются приименными СА, а конструкции с реляционными именами (*звук, запах, скорость, горсть* и т. д.) — конструкциями с релятивизацией без пробела. Большинство диагностик, предлагаемых в этих статьях, либо лингвоспецифичны, либо кажутся нам недостаточно убедительными. Одним из наиболее примечательных отличий оказывается невозможность выноса из клаузы, зависимой от реляционного имени, по сравнению с выносом из стандартного СА. Как было указано выше, конструкции с выносом из СА при именах содержания не являются абсолютно приемлемыми (62). Конструкции с выносом из зависимой клаузы при реляционных именах оцениваются так же неуверенно, как и с выносом из СА, поэтому проводить подобную границу в малокарачкнском говоре необоснованно.

- (62) [?]ku polə [[ane zəriti tu-nə] şərsə] ep ilt-r-ēm
 этот рыба мама жарить делать-PC_PST запах я слышать-PST-1SG
 ‘Это рыба такая, что я услышал запах, что мама (ее) жарила’.

4. Место малокарачкнского чувашского в типологии ОПКК

В предыдущем разделе было показано, что, несмотря на свободу релятивизации и, на первый взгляд, идентичное оформление относительных клауз и приименных СА, нельзя считать, что в малокарачкнском говоре существуют ОПКК, в том смысле, как они определены в [Matsumoto et al. 2017]. Таким образом, возникает вопрос, какое место относительно типологии ОПКК может занимать малокарачкнский чувашский. Ареально-типологическим исследованием ОПКК можно считать собственно монографию [Matsumoto et al. 2017]. Однако данные разных языков, представленные в этом сборнике, не были, насколько нам известно, детально резюмированы ни в одной публикации (кроме [Холодилова 2020]). В таблице 3 суммированы основные сведения об ОПКК, описанных в [Matsumoto et al. 2017] и других отдельных работах. Для каждого языка в таблице рассматриваются следующие признаки: 1) формальное идентичное оформление относительных клауз (ОК) и приименных СА, 2) грамматичность фреймовых конструкций и 3) наличие сведений о синтаксических различиях между относительными клаузами и приименными СА. Поскольку цитируемые статьи не являются частью одного исследования, ряд параметров в некоторых из них не обсуждается. В таких случаях в соответствующей ячейке делается пометка «не описаны».

Объединяющим признаком для 21 языка из таблицы выше является идентичное оформление относительных клауз и приименных СА. В то же время для 6 из этих языков описаны синтаксические факты, позволяющие противопоставить два типа конструкций, а по отношению к оставшимся 15 языкам проверка, потенциально способная выявить эти факты, пока не проводилась. Кроме того, только для 12 языков признается существование хотя бы одного типа фреймовой конструкции. Таким образом, пока все обозначенные в таблице 3 пропуски остаются незаполненными, определить положение малокарачкнского чувашского в ареально-типологическом пространстве ОПКК сложно (как и обозначить сам ландшафт этого явления). Однако возможно, что малокарачкнская система является не абсолютно периферийной по отношению к ядру ОПКК. Так, наличие синтаксических различий между относительными клаузами и приименными СА представляется для рассматриваемых языков вполне вероятным, поскольку они были обнаружены во всех языках, где эта возможность допускалась. А отсутствие фреймовых конструкций в случае с малокарачкнским диалектом может расцениваться как результат долгого контакта с русским языком или как особенность тюркских идиомов, поскольку единственным тюркским языком, для которого постулируются фреймовые конструкции, остается карачаево-балкарский, сведения о котором приводятся в оригинальной статье [Comrie 1998].

Таблица 3. Обзор работ об ОПКК: к типологии

Семья	Язык	Приименные СА оформ- лены так же, как ОК	Наличие фреймовых конструк- ций	Синтаксические различия между ОК и приимен- ными СА	Источник
Японо- рюкюские	японский	+	+	не описаны	[Matsumoto 2017]
	корейский	+	+	+	[Kim, Sells 2017]
Сино- тибетские	севернокитайский	+	+	не описаны	[LaPolla 2017]
	юэский (кантонский диалект)	+	+	не описаны	[Matthews, Yip 2017]
Нахско- дагестан- ские	бежтинский	+	+	не описаны	[Comrie et al. 2017]
	гинухский	+	+	не описаны	
	аварский	+	не описаны	не описаны	[Nichols 2017]
	годоберинский	+	не описаны	не описаны	
	ингушский	+	+	не описаны	
	мегебский	+	+	+	[Lander, Kozhukhar 2015]
Индоевро- пейские	маратхи	+	+	не описаны	[Hook, Pardeshi 2017]
Уральские	тундровый ненецкий	+	+	+	[Nikolaeva 2017]
	айнский	+	+	+	[Bugueva 2017]
Австроази- атские	кхмерский	+	не описаны	не описаны	[Comrie, Horie 1995]
	карачаево-балкарский	+	+	не описаны	[Comrie 1998]
Тюркские	якутский	+	—	+	[Kornfilt, Vinokurova 2017]
	казахский (китайский)	+	не описаны	не описаны	[Kuribayashi 2011]
	киргизский	+	не описаны	не описаны	
	уйгурский	+	не описаны	не описаны	
	кашкайский	+	не описаны	не описаны	
	малокарачкинский	+	—	+	
	чувашский	+	—	+	

5. Обобщения и выводы

В настоящей статье обсуждались особенности релятивизации в малокарачкинском говоре чувашского языка. Относительные клаузы в малокарачкинском говоре обнаруживают сравнительно мало ограничений на релятивизуемую позицию, а значимым фактором релятивизации оказывается наличие прагматической мотивации и контекст. Так, в малокарачкинском говоре релятивизоваться могут практически все позиции в иерархии Кинэна — Комри. Исключение составляют только позиции основания сравнения и каритивного дополнения. Последнее ограничение также имеет прагматическую природу — релятивизация участника, характеризующегося «отрицательным присутствием», ожидаемо затруднена в языке, в котором естественность связи между вершиной относительной конструкции и предикатом зависимой клаузы является одним из наиболее значимых факторов успешности релятивизации. В ряде случаев, таких как релятивизация инструментальных дополнений и дополнений послелогов, фактором, обуславливающим возможность релятивизации, становится наличие у предиката зависимой клаузы валентности на ИГ в вершине конструкции. Кроме того, был обнаружен ряд ограничений на релятивизацию посессоров. В частности, было показано, что релятивизация посессора невозможна в конструкциях, где посессивное отношение представляет собой отношение «часть — целое». Для релятивизации посессоров с несубъектной синтаксической ролью обязательно маркирование обладаемого внутри зависимой клаузы аффиксом посессивности 3-го лица.

Вопрос о том, обоснованно ли для описания релятивизации в малокарачкинском чувашском постулировать наличие синтаксических правил, становится еще более значимым при попытке вписать малока-

рачкинскую систему в типологию ОПКК. С одной стороны, как и ожидается в языках с ОПКК, малокарачкский чувашский демонстрирует идентичное кодирование приименных СА и относительных клауз, с другой стороны — т. н. фреймовые конструкции в малокарачкском чувашском неграмматичны, хотя входят в определение ОПКК по [Matsumoto et al. 2017]. Против гипотезы о наличии в малокарачкском чувашском механизмов релятивизации «без пробела» свидетельствуют в том числе и такие факты синтаксиса, как возможность использования резумптивных местоимений и существование некоторых синтаксических островов. Более того, в статье были представлены свидетельства, что приименные СА в малокарачкском чувашском в действительности могут быть синтаксически организованы иначе, чем относительные клаузы.

Хотя малокарачкский чувашский не подходит под определение типичных ОПКК, как они описаны в работе Й. Мацумото, имеющаяся на сегодняшний день типология ОПКК, по всей видимости, не исключает существования идиомов типа малокарачкского. Системы типа обсуждаемой в настоящей статье показывают, что феномен ОПКК — значительно более сложное морфосинтаксическое явление.

Сокращения

ABL — аблатив	LOC — локатив
ACC — аккузатив	NEG — отрицание
ADD — аддитивная частица	NPST — непрошедшее время
ALL — аллатив	OBJ — объектный падеж
ATTR — атрибутивизатор	OBL — косвенный падеж
CAR — каритив	OCOMP — основание сравнения
CAUS — каузатив	ORD — показатель порядковости
CMPR — компаратив	P — посессивный показатель
COND — кондиционал	PC — причастие
COP — связка	PL — множественное число
CSL — каузалис	POT — потенциалис
CV — деепричастие	PROH — прохибитив
DO — прямой объект	PROP — проприетив
EX — экзистенциальная частица	PRS — настоящее время
GEN — генитив	PST — прошедшее время
IMP — императив	REFL — рефлексив
INDEF — неопределенность	RES — результатив
INF — инфинитив	SG — единственное число
INS — инструменталис	SIM — одновременность
IO — непрямой объект	VBZ — вербализатор

Литература

- Ашмарин 1898 — *Н. И. Ашмарин*. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.
- Заика 2019 — *Н. М. Заика*. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: Пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019, 4. С. 7—32.
- Иванов 1953 — *А. И. Иванов*. К вопросу о падежах в чувашском языке // Записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской ССР. 1953, 8. С. 167—192.
- Оскольская и др. 2020 — *С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов*. Определение каритива как сравнительного понятия // Вопросы языкознания. 2020, 3. С. 7—25.
- Павлов и др. 1957 — *И. П. Павлов, Н. А. Андреев, И. С. Павлов*. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, 1957.
- Холодилова 2020 — *М. А. Холодилова*. [Рец. на:] Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. Amsterdam: John Benjamins, 2017 // Вопросы языкознания. 2020, 3. С. 135—144.
- Bresnan, Grimshaw 1978 — *J. Bresnan, J. Grimshaw*. The syntax of free relatives in English // Linguistic inquiry. 1978, 9. P. 331—391.

Bugaeva 2017 — *A. Bugaeva*. Noun-modifying clause constructions in Ainu // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 203—250.

Cha 1999 — *J.-U. Cha*. Semantics of Korean gapless relative clause constructions // *Studies in the Linguistic Sciences*. 1999, 29. P. 25—41.

Comrie 1989 — *B. Comrie*. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Comrie 1998 — *B. Comrie*. Attributive clauses in Asian languages: Towards areal typology // *W. Boeder, Ch. Schroeder, K. Heinz Wagner, W. Wildgen* (eds.). *Sprache in Raum und Zeit. In memoriam J. Bechert. Bd. 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Tübingen, 1998. P. 51—60.

Comrie et al. 2017 — *B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova*. General noun-modifying clause constructions in Hinuq and Bezhta, with a note on other Daghestanian languages // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 121—146.

Comrie, Horie 1995 — *B. Comrie, K. Horie*. Complement clauses versus relative clauses: some Khmer evidence // *W. Abraham, T. Givón, S. Thomson* (eds.). *Discourse, grammar and typology: papers in honor of John W. M. Verhaar*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 65—75.

Comrie, Kuteva 2005 — *B. Comrie, T. Kuteva*. Relativization Strategies // *M. Haspelmath, M. R. Dryer, D. Gil, B. Comrie* (eds.). *The World Atlas of Linguistic Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 494—497.

de Vries 2002 — *M. de Vries*. *The syntax of relativization*. Utrecht, 2002.

Givón 1984/2001 — *T. Givón*. *Syntax. An introduction*. Vol. II. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. First published in 1984.

Haig 1998 — *G. Haig*. On some strategies of case recovery in Turkish relativization // *L. Johanson* (ed.). *The Mainz meeting: proceedings of the Seventh international conference on Turkish linguistics*. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. P. 299—320.

Haspelmath 1994 — *M. Haspelmath*. Passive Participles across languages // *B. Fox, P. J. Hopper* (eds.). *Voice. Form and Function*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1994. P. 151—177.

Hook, Pardeshi 2017 — *P. Hook, P. Pardeshi*. Noun-modifying constructions in Marathi // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 293—330.

Kayne 1994 — *R. Kayne*. *The Antisymmetry of Syntax*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1994.

Keenan, Comrie 1979 — *B. Comrie, E. Keenan*. Noun phrase accessibility revisited // *Language*. 1979, 55. P. 649—664.

Kibrik 2011 — *A. A. Kibrik*. *Reference in discourse*. New York: Oxford University Press, 2011.

Kim, Sells 2017 — *S.-S. Kim, P. Sells*. Noun-modifying constructions in Korean // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 59—90.

Kopecka, Vuillermet 2021 — *A. Kopecka, M. Vuillermet*. Source-Goal (a)symmetries across languages // *Studies in Language*. 2021, 1. P. 2—35.

Kornfilt, Vinokurova 2017 — *J. Kornfilt, N. Vinokurova*. Turkish and Turkic complex noun phrase constructions // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 251—292.

Kou 2016 — *X. Kou*. Comitative relational nouns and relativization of comitative case in Mandarin // *M. Dong, J. Lin, X. Tang Cham* (eds.). *Chinese lexical semantics. 17th Workshop, CLSW 2016, Singapore, May 20—22, 2016. Revised Selected Papers, 2016*. P. 233—240.

Kuribayashi 2011 — *Y. Kuribayashi*. Grammaticalized topics in Kashkay: The implication for the relativization of Turkic languages // *Studia Uralo-Altaica*. 2011, 49. P. 311—318.

Lander, Kozhukhar 2015 — *Y. Lander, A. Kozhukhar*. Successfully looking for syntax in Mehweb Dargwa relative clause constructions // *Higher School of Economics Research Papers*. 2015, 34. P. 2—21.

LaPolla 2017 — *R. LaPolla*. Noun-modifying clause constructions in Sino-Tibetan languages // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 91—104.

Lehman 1986 — *C. Lehman*. On the typology of relative clauses // *Linguistics*. 1986, 24. P. 663—680.

Matsumoto 1988 — *Yo. Matsumoto*. Semantics and pragmatics of noun-modifying constructions in Japanese // *Berkeley Linguistic Society*. 1988, 54. P. 166—175.

Matsumoto 1996 — *Yo. Matsumoto*. Interaction of factors in construal: Japanese Relative Clauses // *M. Shibatani, S. A. Tomphson* (eds.). *Grammatical constructions. Their form and meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 103—124.

Matsumoto 2017 — *Yo. Matsumoto*. General noun-modifying clause constructions in Japanese // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 23—44.

Matsumoto et al. 2017 — *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells*. *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.

Matthews, Yip 2017 — *S. Matthews, V. Yip*. Noun-modifying clauses in Cantonese // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 105—121.

Nichols 2017 — *J. Nichols*. Noun-modifying constructions and relativization in the central and western Caucasus // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 179—203.

Nikolaeva 2017 — *I. Nikolaeva*. The general noun-modifying clause construction in Tundra Nenets and its possible origin // *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 147—178.

Ross 1967 — *J. Ross*. Constraints on Variables in Syntax. PhD dissertation. MIT, 1967.

Schwarz et al. 2020 — *M. Schwarz, O. Srba, V. Blažek*. A comparative approach to the pronominal system in Transeurasian // *M. Robbeets, A. Saveljev* (eds.). *The Oxford guide to Transeurasian languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 554—584.

Shagal 2019 — *K. Shagal*. Participles: A Typological Study. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019.

Tsai 2008 — *H.-C. J. Tsai*. On gapless relative clauses in Chinese // *Nanzan Linguistics*. 2008, 5. P. 109—124.

Zhang 2008 — *N. Zhang*. Gapless Relative Clauses as Clausal Licensors of Relational Nouns // *Language and Linguistics*. 2008, 9.4. P. 1005—1028.

References

Ashmarin 1898 — N. I. Ashmarin. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka*. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. {N. I. Ashmarin Materials for the study of the Chuvash language. Kazan: Typolithography of the Imperial University, 1898.}

Bresnan, Grimshaw 1978 — J. Bresnan, J. Grimshaw. The syntax of free relatives in English. In: *Linguistic inquiry*. 1978, 9. P. 331—391.

Bugaeva 2017 — A. Bugaeva. Noun-modifying clause constructions in Ainu. In: *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 203—250.

Cha 1999 — J.-U. Cha. Semantics of Korean gapless relative clause constructions. In: *Studies in the Linguistic Sciences*. 1999, 29. P. 25—41.

Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Comrie 1998 — B. Comrie. Attributive clauses in Asian languages: Towards areal typology. In: W. Boeder, Ch. Schroeder, K. Heinz Wagner, W. Wildgen (eds.). *Sprache in Raum und Zeit. In memoriam J. Bechert. Bd. 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Tübingen, 1998. P. 51—60.

Comrie et al. 2017 — B. Comrie, D. Forker, Z. Khalilova. General noun-modifying clause constructions in Hinuq and Bezhta, with a note on other Daghestanian languages. In: *Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells* (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 121—146.

Comrie, Horie 1995 — B. Comrie, K. Horie. Complement clauses versus relative clauses: some Khmer evidence. In: W. Abraham, T. Givón, S. Thomson. *Discourse, grammar and typology: papers in honor of John W. M. Verhaar*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 65—75.

Comrie, Kuteva 2005 — B. Comrie, T. Kuteva. Relativization Strategies. In: M. Haspelmath, M. R. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Linguistic Structures*. Oxford: Oxford University Press 2005. P. 494—497.

de Vries 2002 — M. de Vries. *The syntax of relativization*. Utrecht, 2002.

Givon 1984/2001 — T. Givon. *Syntax. An introduction*. Vol. II. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. First published in 1984.

Haig 1998 — G. Haig. On some strategies of case recovery in Turkish relativization. In: L. Johanson (ed.). *The Mainz meeting: proceedings of the Seventh international conference on Turkish linguistics*. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. P. 299—320.

Haspelmath 1994 — M. Haspelmath. Passive Participles across languages. In: B. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice. Form and Function*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1994. P. 151—177.

Hook, Pardeshi 2017 — P. Hook, P. Pardeshi. Noun-modifying constructions in Marathi. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 293—330.

Ivanov 1953 — A. I. Ivanov K voprosu o padezhakh v chuvashskom yazyke. In: *Zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii pri Sovete Ministrov Chuvashskoi SSSR*. 1953, 8. S. 167—192. {A. I. Ivanov On the issue of cases in the Chuvash language. In: *Articles of the Research Institute of Language, Literature and History under the Council of Ministers of the Chuvash USSR*. 1953, 8. P. 167—192.}

Kayne 1994 — R. Kayne. *The Antisymmetry of Syntax*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1994.

Keenan, Comrie 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun phrase accessibility revisited. In: *Language*. 1979, 55. P. 649—664.

Kholodilova 2020 — M. A. Kholodilova. [Rec. na:] Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. Amsterdam: John Benjamins, 2017. In: *Voprosy yazykoznaniiya*. 2020, 3. S. 135—144. {M. A. Kholodilova. [Review of:] Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. In: *Topics in the study of language*. 2020, 3. P. 135—144.}

Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. *Reference in discourse*. New York: Oxford University Press, 2011.

Kim, Sells 2017 — S.-S. Kim, P. Sells. Noun-modifying constructions in Korean. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 59—90.

Kopecka, Vuillermet 2021 — A. Kopecka, M. Vuillermet. Source-Goal (a)symmetries across languages. In: *Studies in Language*. 2021, 1. P. 2—35.

Kornfilt, Vinokurova 2017 — J. Kornfilt, N. Vinokurova. Turkish and Turkic complex noun phrase constructions. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 251—292.

Kou 2016 — X. Kou. Comitative relational nouns and relativization of comitative case in Mandarin. In: M. Dong, J. Lin, X. Tang Cham (eds.). *Chinese lexical semantics. 17th Workshop, CLSW 2016, Singapore, May 20—22, 2016. Revised Selected Papers, 2016*. P. 233—240.

Kuribayashi 2011 — Y. Kuribayashi. Grammaticalized topics in Kashkay: The implication for the relativization of Turkic languages. In: *Studia Uralo-Altaica*. 2011, 49. P. 311—318.

Lander, Kozhukhar 2015 — Y. Lander, A. Kozhukhar. Successfully looking for syntax in Mehweb Dargwa relative clause constructions. In: *Higher School of Economics Research Papers*. 2015, 34. P. 2—21.

LaPolla 2017 — R. LaPolla. Noun-modifying clause constructions in Sino-Tibetan languages. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 91—104.

Lehman 1986 — C. Lehman. On the typology of relative clauses. In: *Linguistics*. 1986, 24. P. 663—680.

Matsumoto 1988 — Yo. Matsumoto. Semantics and pragmatics of noun-modifying constructions in Japanese. In: *Berkeley Linguistic Society*. 1988, 54. P. 166—175.

Matsumoto 1996 — Yo. Matsumoto. Interaction of factors in construal: Japanese Relative Clauses. In: M. Shibatani, S. A. Tompkinson (eds.). *Grammatical constructions. Their form and meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 103—124.

Matsumoto 2017 — Yo. Matsumoto. General noun-modifying clause constructions in Japanese. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 23—44.

Matsumoto et al. 2017 — Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells. *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.

Matthews, Yip 2017 — S. Matthews, V. Yip. Noun-modifying clauses in Cantonese. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 105—121.

Nichols 2017 — J. Nichols. Noun-modifying constructions and relativization in the central and western Caucasus. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 179—203.

Nikolaeva 2017 — I. Nikolaeva. The general noun-modifying clause construction in Tundra Nenets and its possible origin. In: Yo. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia. Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 147—178.

Oskol'skaya i dr. 2020 — S. A. Oskol'skaya, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov. Opredelenie karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2020, 3. S. 7—25. {S. A. Oskol'skaya, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov. Defining caritive as a comparative concept. In: *Topics in the study of language*. 2020, 3. P. 7—25.}

Pavlov i dr. 1957 — I. P. Pavlov, N. A. Andreev, I. S. Pavlov. Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Cheboksary: Chuvashskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR, 1957. {I. P. Pavlov, N. A. Andreev, I. S. Pavlov. Materials on the grammar of the modern Chuvash language. Cheboksary: Chuvashskii Articles of the Chuvash Research Institute of Language, Literature and History under the Council of Ministers of the Chuvash USSR, 1957.}

Ross 1967 — J. Ross. Constraints on Variables in Syntax. PhD dissertation. MIT, 1967.

Schwarz et al. 2020 — M. Schwarz, O. Srba, V. Blažek. A comparative approach to the pronominal system in Transeurasian. In: M. Robbeets, A. Savelyev (eds.). *The Oxford guide to Transeurasian languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 554—584.

Shagal 2019 — K. Shagal. *Participles: A Typological Study*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019.

Tsai 2008 — H.-C. J. Tsai. On gapless relative clauses in Chinese. In: *Nanzan Linguistics*. 2008, 5. P. 109—124.

Zaika 2019 — N. M. Zaika. Polipredikativnye prichinnye konstruktsii v yazykakh mira: Prostranstvo tipologicheskikh vozmozhnostei. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2019, 4. S. 7—32. {N. M. Zaika. Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters. In: *Topics in the study of language*. 2019, 4. P. 7—32.}

Zhang 2008 — N. Zhang. Gapless Relative Clauses as Clausal Licensors of Relational Nouns. In: *Language and Linguistics*. 2008, 9.4. P. 1005—1028.